

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.36> EDN: OEMSGB

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ФАКТОР ПОВТОРНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ В СИТУАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Научная статья

Димитрова Е.А.^{1,*}¹ Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Сочи, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (dimitr-elena[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье, в рамках рассмотрения криминологических особенностей домашнего насилия, анализируются наиболее распространенные социальные установки жертвы, обуславливающие вхождение жертвы в круг насилия, выстроенный агрессором. Выявляется и обосновывается взаимосвязь установок и конкретных форм поведения жертвы. Рассматриваются конкретные установки и их влияние на поведение потенциальной жертвы домашнего насилия. Подвергаются критике отдельные положения законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». На основе сделанных выводов автор определяет первичную профилактику домашнего насилия, включающую, среди прочего, формирование психологически устойчивой личности как наиболее эффективную.

Ключевые слова: преступность, профилактика преступности, криминология домашнего насилия, ревиктимизация, повторная виктимизация, аттитуды, социальные установки, выученная беспомощность, самооценка, адаптация.

SOCIAL BELIEFS AS A FACTOR IN REPEATED VICTIMISATION IN CASES OF DOMESTIC VIOLENCE

Research article

Dimitrova E.A.^{1,*}¹ Sochi Branch of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russian Federation

* Corresponding author (dimitr-elena[at]yandex.ru)

Abstract

The article, as part of an analysis of the criminological characteristics of domestic violence, examines the most common social beliefs held by victims that lead them to become entangled in the cycle of violence created by the perpetrator. The relationship between these beliefs and specific forms of victim behaviour is identified and substantiated. Specific attitudes and their influence on the behaviour of a potential victim of domestic violence are examined. Certain provisions of the draft law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" are subject to criticism. Based on the findings, the author identifies primary prevention of domestic violence, including, among other things, the development of a psychologically resilient personality, as the most effective approach.

Keywords: crime prevention, criminology of domestic violence, revictimisation, secondary victimisation, attitudes, social beliefs, learned helplessness, self-esteem, adaptation.

Введение

Проблема домашнего насилия в современной России является одной из наиболее актуальных, поскольку распространенность данного явления обуславливает формирование целого комплекса детерминант преступности. Согласно результатам исследования, проведенного в 2025 году ВЦИОМ [1], каждый десятый россиянин признал, что в их семье бывают ссоры с применением насилия. Треть опрошенных обозначили, что знают о подобных ситуациях у своих знакомых. Несколько иные результаты более раннего исследования (2024 год) представляет коллектив авторов Санкт-Петербургского государственного университета [2, С. 234], согласно которому 3,7% опрошенных подвергались насилию в семье, но его свидетелями в семьях знакомых и соседей стали 42,6% респондентов. Несмотря на разницу данных, абсолютно очевиден факт распространенности домашнего насилия, что уже само по себе определяет актуальность изучения обозначенной темы.

Стоит обозначить, что в указанных опросах принимало взрослое население, тогда как потерпевшими от домашнего насилия зачастую являются и дети, что, с одной стороны, объясняет существенную разницу между прямым и косвенным опытом домашнего насилия респондентов. Однако эта разница может быть объяснена еще и тем, что открыто признавать наличие проблемы у других проще, чем в своей семье.

При этом детерминанты имеют отношение как к различным уровням, так и различным видам преступлений, оказывая влияние на общество в целом и на отдельные семьи и их членов. Особым смыслом, при этом, обладают факты повторного насилия, поскольку именно они приводят к системности. В случаях систематического домашнего насилия, формируется установка привыкания к насилию не только со стороны жертвы, но и со стороны иного окружения, например, детей, нормализуя насилие в глазах подрастающего поколения, которое несет его в свои малые социальные группы, в том числе в свои будущие семьи.

В рамках данной работы делается акцент именно на повторной виктимизации жертв домашнего насилия, под которой традиционно понимаются неоднократные попадания в ситуации, в которых индивид, ранее подвергавшийся преступным действиям, подвергается им вновь. Это явление может быть объяснено «компульсивным повторным переживанием травмы, то есть поведенческими паттернами индивида, обусловленными бессознательным стремлением оказаться участником ситуации, ассоциированной с травматическими событиями [3, С. 260]. При этом первичная виктимизация не сбрасывается со счетов, поскольку это звено одной цепи.

Повторная виктимизация объясняется различными группами факторов, например, такими как экономическая зависимость от агрессора и страх, отсутствие реакции со стороны других людей (родных, врачей, педагогов, соседей и др.) которые можно отнести к внешним, подчеркивающим связь жертвы, насильника и общества. Однако требует должного внимания и внутренняя, психологическая сторона вопроса, которая удерживает жертву в цикле насилия. Именно она в случае домашнего насилия является наиболее важной, поскольку создает благоприятные условия для совершения преступных действий.

К внутренним факторам можно отнести жизненный и семейный опыт, уровень образования и культуры, наличие психотравматического опыта жертвы и т. д. Только психологически травмированная личность может оставаться длительное время в ситуации абьюзивных отношений с близким человеком [4, С. 95].

В этой связи целью настоящей работы является выявить и проанализировать специфические детерминанты повторной виктимизации жертв домашнего насилия — социальные установки, способствующие повторной виктимизации в ситуации домашнего насилия.

Основная часть

К социальным установкам (аттитюдам) в психологии относят механизмы регуляции социального поведения личности, который обеспечивает предрасположенность человека воспринимать, оценивать, осознавать и действовать в отношении конкретной ситуации определенным образом. Социальные установки, формируемые, как правило, в возрасте первичной социализации личности, т.е. в детстве и с трудом поддающиеся изменению, несут четко определенные функции, позволяющие защищаться от негативной информации, сформировать определенные ценности, адаптироваться в конкретных условиях и выработать шаблон действий для экономии ресурсов [5, С. 187].

Жертвы бытового насилия обладают определенным набором социальных установок, которые выполняют психологическую защитную функцию и блокируют возможность прекращения травмирующих отношений через принятие вины на себя, оправдание агрессора и обесценивания себя. Стоит акцентировать внимание на то, что если первичный факт насилия возможен при наибольшем влиянии личности виновного, то, повторная виктимизация напрямую зависит от реакции жертвы на него.

Среди основных социальных установок, провоцирующих повторную виктимизацию жертв домашнего насилия, следует выделить следующие, разбив их на соответствующие компоненты:

1. Установки, искажающие восприятие реальности (когнитивный компонент), которые позволяют жертве принимать насилие как должное. К ним можно отнести:

- «Он(а) меня любит, просто не умеет по-другому» (оправдание поведения агрессора).

- «Это я довел(а) ее(его) до этого, я виноват(а)» (интернализация вины, перекалывание ответственности за происходящее на себя, как способ избавиться от негативных переживаний).

- «Если я буду идеальной(ым) женой(мужем), он(а) перестанет бить» (иллюзия контроля).

2. Эмоционально-оценочные установки (аффективный компонент), которые позволяют жертве подменить негативные эмоции на позитивные, тем самым изменить самоощущение на более терпимое:

- «Бьет (ревнует), значит любит» или «Любовь — это страдание и жертвенность» (приравнение насилия к любви).

- «Я ничего не стою без него(нее)» или «Я сам(а) виноват(а)» (симбиотическая связь, низкая самооценка, обуславливающие зависимость от виновного).

3. Установки, определяющие бездействие (конативный (поведенческий) компонент), через которые жертва выбирает пассивный вариант поведения и намеренно остается в ситуации насилия:

- «Не выноси ссор из избы» (социальная норма, блокирующая обращение за помощью).

- «Ради детей нужно сохранить семью любой ценой» (неверная оценка родительской роли).

- «В нашей семье не разводятся» (невозможность жизненных изменений).

Обозначенные установки, в числе прочих факторов, играют разные роли в поведении потерпевшего.

Так, например установки, которые связаны с перекалыванием на себя вины в сложившейся ситуации, защищают жертву от более серьезной мысли «Моя жизнь в опасности». В данном случае происходит когнитивный диссонанс (не хочу быть жертвой, но не могу это прекратить), при котором потерпевший, пытаясь его уменьшить и адаптироваться к несоответствующим суждениям, имеющимся в его голове, пытается вернуться к внутренней гармонии. У потерпевшего появляется мотивация, которая приводит к изменению поведения в виде занятия примиренческой и/или пассивной позиции, поскольку на иные, более адекватные ситуации меры, нет ресурса в виде возможности внутреннего самоконтроля (воля оказывается парализованной). Фокус жертвы смещается на выживание «здесь и сейчас», планирование будущего оказывается невозможным.

В этой связи целесообразно упомянуть концепцию выученной беспомощности [6, С. 18] жертвы домашнего насилия, которая с психологической точки зрения объясняет нежелание избегать травматического воздействия даже после неоднократного его повторения, а также и оправдание поведения виновного. Выученная беспомощность обуславливает отсутствие попыток уйти или попросить помощи, даже в ситуации, когда для этого есть реальная возможность. Очевидно, что подобные моменты обуславливают формирование факторов повторной виктимности.

В ситуации, когда потерпевший находит объяснение своего нахождения в роли жертвы, его существование становится несколько более терпимым. Уже не так сложно переживать очередное унижение и физическую боль, снизив их остроту. В этом проявляется адаптивная функция социальных установок.

Считаем целесообразным в данном ключе упомянуть известный психический феномен, при котором жертва полностью утрачивает контроль над собственной жизнью на определенный отрезок времени, становится на сторону агрессора и начинает его поддерживать и даже защищать от наказания (Стокгольмский синдром). Криминологическое его значение однозначно определяется как безусловный фактор формирования повторной виктимности. Нередко жертва транслирует инфантильность и подчинение насильнику, с благодарностью принимает похвалу за «хорошее поведение» и наказание за «плохое» [7, С. 122].

Именно таким образом психологические установки, защищая психику жертвы домашнего насилия, создают более понятную картину мира, которая позволяет выработать определенные паттерны поведения: быть тише, когда муж-тиран пьян, не задавать «глупых» вопросов, подчиниться и терпеливо «отбывать» наказание. Жертва наивно полагает, что подобное поведение позволяет избежать очередного насилия, или снизить его и интенсивность, неизбежно попадая в цикл насилия.

Цикл насилия — феномен, разработанный Л. Укером, включающий в себя три повторяющиеся стадии:

- нарастание напряженности, в которой в отношении жертвы совершаются менее значимые агрессивные действия (оскорбление, унижение, «подкалывание») и как, правило со временем жертва понимает, что приближается этап физического насилия;

- физическое насилие, при котором агрессор зачастую действует в около аффективном состоянии, что усиливает вредоносность применяемых им физических мер. Данная стадия самая опасная для жизни и здоровья жертвы;

- «медовый месяц», во время которого виновное лицо чувствует вину, просит прощения, заботится, дарит подарки и иным образом проявляет заботу о жертве, обещая, что такое больше не повторится [8, С. 110]. Именно эта стадия становится фундаментом для поддержания выработанных установок, либо, формирования новых, позволяющих адаптироваться к ситуации. Стоит отметить, что, нередко, фаза медового месяца становится короче и исчезает вовсе, а насилие становится более жестким и изоциренным.

Удержание в цикле зависимости, наряду с выученной беспомощностью и стокгольмским синдромом, происходит за счет сформировавшихся установок жертвы.

Здесь весьма ярко проявляется взаимосвязь поведения виновного и жертвы: насильственный способ поведения (паттерн), имеющийся у насильника, подкрепляется установками жертвы, обуславливающими ее пассивное поведение, что, непременно приводит к повторению цикла, блокируя выход из ситуации насилия. Актуально это и в связи с тем, что, согласно отдельным исследованиям, юноши и девушки, пережившие насилие в детстве, более виктимны в период ранней взрослости, чем те, кто не испытывал психологического насилия в детстве [9, С. 667]. Представляется, что эта также связано с установками жертвы, сформировавшимися в процессе социализации.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть значимость социальных установок жертвы домашнего насилия в повторной виктимизации. Это имеет непосредственное значение, прежде всего в профилактических мерах, которые могут быть действенны. Очевидно, что воздействие на насильника и окружение, создание кризисных центров и призыв не быть равнодушными к подобным ситуациям, происходящим вокруг нас — важные и необходимые элементы профилактики рассматриваемого вида насилия. Вместе с тем очевидно, что наравне с ними, обязательным объектом профилактики должна быть психологическое состояние потерпевших, особое внимание в котором требуют именно психологические установки.

Очень спорными в этой связи представляются положения проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [10], который обсуждается в течение нескольких лет и процесс его принятия, к сожалению, практически не двигается с места. Так, согласно статье 5 указанного законопроекта, среди субъектов профилактики семейно-бытового насилия отсутствуют органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования и их организации. Статья 17 основания профилактики сводит к уже свершившимся фактам насилия, а ее объектами являются лица, совершающие насилие и лица, подвергшиеся ему (часть 2 статьи 18). Бросается в глаза то, что законопроект абсолютно не предусматривает мер первичной профилактики, которые в рассматриваемом вопросе, являются наиболее эффективными. Именно в образовательных организациях, зачастую формируются такие установки, как «Девочки не злятся», «Хорошие девочки и мальчики не ябедничают», «Нельзя выносить мусор из избы», «Бог терпел и нам велел» и т.п., которые в последствии определяют повышенную виктимность. Кстати, в понятии семейно-бытового насилия, определенного в статье 1 законопроекта, дети не определены как отдельные объекты домашнего насилия. Как было сказано выше, меры, направленные только на внешние факторы, которые берет в качестве ключевых законопроект, абсолютно недостаточны для снижения виктимности жертв домашнего насилия.

Заключение

Таким образом, следует заключить, что социальные установки (аттитюды), сформировавшиеся в процессе первичной социализации, определяют формирование виктимности жертв домашнего насилия, многократно увеличивая риск как первичных, так и повторных фактов совершения насилия, за счет создания благоприятных условий к этому. С учетом этого, при проведении профилактики домашнего насилия, основной акцент следует делать именно на психологических мерах, особенно осуществляемых в рамках первичной профилактики. В этой связи нельзя недооценивать роль центров помощи женщинам, оказавшимся в тяжелой ситуации, которые повсеместно создаются и функционируют в стране. Однако при работе с жертвами домашнего насилия, прежде всего психологам и кризисным центрам, стоит обращать внимание на необходимость работы не только с последствиями травмы, но с глубинными

установками клиенток, определяющими их повышенную виктимность. Наиболее эффективным, при этом, является использование методов когнитивно-поведенческой терапии для изменения негативных убеждений.

Вместе с тем наибольшее внимание стоит уделять первичной профилактике, связанной с минимизацией формирования негативных социальных установок, увеличивающих виктимность потенциальных жертв домашнего насилия. Важная роль в этом отводится популяризации психологии среди населения. Прежде всего речь идет о создании возможности формирования психологической грамотности в процессе социализации личности, возможности получения своевременной и качественной психологической помощи (в том числе в рамках обязательного медицинского страхования). При проведении просветительской работы в обществе, обязательным являются меры, направленные на формирование здоровых установок относительно отношений, границ, любви и насилия, прежде всего у детей и молодежи.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Громова А. Ударил, а потом принес цветы и шаурму: как не стать жертвой домашнего тирана / А. Громова // Газета.ру. — 2025 — URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/09/25/21751316.shtml?ysclid=mizxi5cwx2625887182&utm_auth=false (дата обращения: 06.01.2026).
2. Щепельков В.Ф. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) / В.Ф. Щепельков, С.С. Дмитриевич, Е.М. Тимошина // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — № 3. — С. 232–244.
3. Кононова Т.А. Психологические последствия жестокого обращения с детьми и подростками как фактор ревиктимизации / Т.А. Кононова, Н.Д. Ачик // Современные проблемы подростковой медицины и репродуктивного здоровья подростков и молодежи: Сборник трудов VI научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 255–265.
4. Думанская Е.И. Обусловленность индивидуальной виктимности жертв домашнего насилия неосознаваемыми установками / Е.И. Думанская // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 4 (31). — С. 93–97.
5. Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Г.М. Андреева. — Москва: Аспект Пресс, 2005. — 288 с.
6. Геранюшкина Г.П. Сценарии выученной беспомощности / Г.П. Геранюшкина, О.Э. Афраймович // Психология в экономике и управлении. — 2013. — № 1. — С. 17–22.
7. Гончаренко Е.В. Стокгольмский синдром в криминологической практике / Е.В. Гончаренко, В.С. Гераськин [и др.] // Вестник КГУ. — 2022. — № 4. — С. 120–122.
8. Селин Б.Н. Теоретические основы профилактики семейно-бытового насилия за рубежом и в России / Б.Н. Селин, И.Н. Архипцев // Психология. Педагогика. Дефектология. — 2025. — № 2. — С. 105–112.
9. Ситников В.Л. Профилактика домашнего насилия / В.Л. Ситников, А. В. Шахматов // Российский девиантологический журнал. — 2024. — № 4. — С. 664–675.
10. Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» Подготовлен Софетом Федерации Федерального Собрания РФ 29.11.2019. — URL: <https://base.garant.ru/73230126/> (дата обращения: 15.02.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gromova A. Udaril, a potom prines tsveti i shaurmu: kak ne stat zhertvoi domashnego tirana [He hit me, then brought me flowers and shawarma: how to avoid becoming a victim of a domestic tyrant] / A. Gromova // Gazeta.ru. — 2025 — URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/09/25/21751316.shtml?ysclid=mizxi5cwx2625887182&utm_auth=false (accessed: 06.01.2026). [in Russian]
2. Shchepelkov V.F. Domashnee nasilie v Rossiiskoi Federatsii (sostoyanie, problemi kriminologicheskoi otsenki) [Domestic violence in the Russian Federation (status, problems of criminological assessment)] / V.F. Shchepelkov, S.S. Dmitrievich, Ye.M. Timoshina // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]. — 2024. — № 3. — P. 232–244. [in Russian]
3. Kononova T.A. Psikhologicheskie posledstviya zhestokogo obrashcheniya s detmi i podrostkami kak faktor reviktimizatsii [Psychological consequences of child and adolescent abuse as a factor of revictimization] / T.A. Kononova, N.D. Achik // Sovremennye problemi podrostkovoï meditsini i reproduktivnogo zdorovya podrozkov i molodezhi: Sbornik trudov VI nauchno-prakticheskoi konferentsii [Contemporary issues of adolescent medicine and reproductive health of adolescents and young people: Collection of papers of the Scientific and Practical Conference]. — Saint Petersburg, 2022. — P. 255–265. [in Russian]

4. Dumanskaya E.I. Obuslovlennost individualnoi viktimnosti zhertv domashnego nasiliya neosoznavaemimi ustanovkami [The dependence of individual victimization of domestic violence victims on unconscious attitudes] / E.I. Dumanskaya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and order: history, theory, practice]. — 2021. — № 4 (31). — P. 93–97. [in Russian]
5. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsialnogo poznaniya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsialnostyam psikhologii [Psychology of Social Cognition: A Textbook for University Students Studying in the Direction and Specializations of Psychology] / G.M. Andreeva. — Moscow: Aspekt Press, 2005. — 288 p. [in Russian]
6. Geranyushkina G.P. Stsenarii viuchennoi bespomoshchnosti [Learned helplessness scenarios] / G.P. Geranyushkina, O.E Afraimovich // Psikhologiya v ekonomike i upravlenii [Psychology in Economics and Management]. — 2013. — № 1. — P. 17–22. [in Russian]
7. Goncharenko E.V. Stokgolmskii sindrom v kriminologicheskoi praktike [Stockholm syndrome in criminological practice] / E.V. Goncharenko, V.S. Geraskin [et al.] // Vestnik KGU [KSU Bulletin]. — 2022. — № 4. — P. 120–122. [in Russian]
8. Selin B.N. Teoreticheskie osnovy profilaktiki semeino-bitovogo nasiliya za rubezhom i v Rossii [Theoretical foundations for the prevention of domestic violence abroad and in Russia] / B.N. Selin, I.N. Arkhiptsev // Psikhologiya. Pedagogika. Defektologiya [Psychology. Pedagogy. Defectology]. — 2025. — № 2. — P. 105–112. [in Russian]
9. Sitnikov V.L. Profilaktika domashnego nasiliya [Prevention of domestic violence] / V.L. Sitnikov, A. V. Shakhmatov // Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal [Russian Deviantological Journal]. — 2024. — № 4. — P. 664–675. [in Russian]
10. Proekt Federalnogo zakona «O profilaktike semeino-bitovogo nasiliya v Rossiiskoi Federatsii» Podgotovlenn Sofetom Federatsii Federalnogo Sobraniya RF 29.11.2019 [The draft Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" was prepared by the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on November 29, 2019]. — URL: <https://base.garant.ru/73230126/> (accessed: 15.02.2026). [in Russian]